Священное Писание и Священное Предание: православный взгляд

Лекция председателя ОВЦС, председателя Синодальной Библейско-Богословской комиссии митрополита Волоколамского Илариона ***в Великотырновском университете (Болгария)****.*

1. Писание и Предание

Христианство является богооткровенной религией. В православном понимании Божественное Откровение включает в себя Священное Писание и Священное Предание. Писание — это вся Библия, то есть все книги Ветхого и Нового Заветов. Что же касается Предания, то этот термин требует специального разъяснения, так как употребляется в разных значениях. Нередко под Преданием понимают всю совокупность письменных и устных источников, при помощи которых христианская вера передается из поколения в поколения. Апостол Павел говорит: «Стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2 Фес. 2:15). Под «словом» здесь понимается устное Предание, под «посланием» — письменное. К устному Преданию святитель Василий Великий относил крестное знамение, обращение в молитве на восток, эпиклезу евхаристии, чин освящения воды крещения и елея помазания, троекратное погружение человека при крещении и т.п., то есть преимущественно литургические или обрядовые традиции, переданные изустно и прочно вошедшие в церковную практику. Впоследствии эти обычаи были зафиксированы в письменном виде — в творениях Отцов Церкви, в постановлениях Вселенских и Поместных Соборов, в литургических текстах. Значительная часть того, что изначально было устным Преданием, стало письменным Преданием, которое продолжало сосуществовать с устным Преданием.

Если Предание понимать в смысле совокупности устных и письменных источников, то как оно соотносится с Писанием? Является ли Писание чем-то внешним по отношению к Преданию, или оно представляет собой составную часть Предания?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо отметить, что проблематика взаимоотношения между Писанием и Преданием, хотя и отражена у многих православных авторов, не является православной по своему происхождению. Вопрос о том, что важнее, Писание или Предание, был поставлен в ходе полемики между Реформацией и Контрреформацией в XVI—XVII столетиях. Лидеры Реформации (Лютер, Кальвин) выдвинули принцип «достаточности Писания», согласно которому абсолютным авторитетом в Церкви пользуется только Писание; что же касается

позднейших вероучительных документов, будь то постановления Соборов или творения Отцов Церкви, то они авторитетны лишь постольку, поскольку согласуются с учением Писания. Те догматические определения, литургические и обрядовые традиции, которые не основаны на авторитете Писания, не могли, по мнению лидеров Реформации, быть признаны легитимными и потому подлежали упразднению. С Реформации начался процесс ревизии церковного Предания, который продолжается в недрах протестантизма и поныне.

В противовес протестантскому принципу «sola Scriptura» (лат. «только Писание») богословы Контрреформации подчеркивали важность Предания, без которого, по их мнению, Писание не имело бы авторитета. Оппонент Лютера на Лейпцигском диспуте 1519 года утверждал, что «Писание не является подлинным без авторитета Церкви». Противники Реформации указывали, в частности, на то, что канон Священного Писания был сформирован именно церковным Преданием, определившим, какие книги должны в него войти, а какие нет. На Тридентском Соборе 1546 года была сформулирована теория двух источников, согласно которой Писание не может рассматриваться как единственный источник Божественного Откровения: не менее важным источником является Предание, составляющее жизненно важное дополнение к Писанию.

Русские православные богословы XIX века, говоря о Писании и Предании, расставляли акценты несколько по-иному. Они настаивали на первичности Предания по отношению к Писанию и возводили начало христианского Предания не только к новозаветной Церкви, но и ко временам Ветхого Завета. Святитель Филарет Московский подчеркивал, что Священное Писание Ветхого Завета началось с Моисея, но до Моисея истинная вера сохранялась и распространялась посредством Предания. Что же касается Священного Писания Нового Завета, то оно началось с Евангелиста Матфея, но до того «основание догматов, учение жизни, устав богослужения, законы управления церковного» находились в Предании.

У А.С. Хомякова соотношение Предания и Писания рассматривается в контексте учения о действии Духа Святого в Церкви. Хомяков считал, что Писанию предшествует Предание, а Преданию — «дело», под которым он понимал богооткровенную религию, начиная от Адама, Ноя, Авраама и других «родоначальников и представителей ветхозаветной Церкви». Церковь Христова является продолжением Церкви ветхозаветной: и в той и в другой жил и продолжает жить Дух Божий. Этот Дух действует в Церкви многообразно — в Писании, Предании и в деле. Единство Писания и Предания постигается человеком, который живет в Церкви; вне Церкви невозможно постичь ни Писание, ни Предание, ни дело.

В XX веке мысли Хомякова о Предании развивал В.Н.Лосский. Он определял Предание как «жизнь Духа Святого в Церкви, жизнь, сообщающая каждому члену Тела Христова способность слышать, принимать, познавать Истину в присущем ей свете, а не естественном свете

человеческого разума». Согласно Лосскому, жизнь в Предании это условие правильного восприятия Писания, это не что иное, как богопознание, богообщение и боговидение, которые были присущи Адаму до изгнания из рая, библейским праотцам Аврааму, Исааку и Иакову, боговидцу Моисею и пророкам, а затем и «очевидцам и служителям Слова» (Лк. 1:2) — апостолам и последователям Христа. Единство и непрерывность этого опыта, хранимого в Церкви вплоть до настоящего времени, составляет суть церковного Предания. Человек, находящийся вне Церкви, даже если бы он изучил все источники христианского вероучения, не сможет видеть ее внутреннюю сердцевину.

Отвечая на поставленный ранее вопрос о том, является ли Писание чем-то внешним по отношению к Преданию или составной частью последнего, мы должны со всей определенностью сказать, что в православном понимании Писание является частью Предания и немыслимо вне Предания. Поэтому Писание отнюдь не самодостаточно и не может само по себе, изолированно от церковной традиции, служить критерием Истины. Книги Священного Писания создавались в разное время разными авторами, и каждая из этих книг отражала опыт конкретного человека или группы людей, отражала определенный исторический этап жизни Церкви, включая ветхозаветный период). Первичным был опыт, а вторичным — его выражение в книгах Писания. Именно Церковь придает этим книгам — как Ветхого, так и Нового Заветов — то единство, которого они лишены, если рассматривать их с чисто исторической или текстологической точки зрения.

Церковь считает Писание «богодухновенным» (2 Тим. 3:16) не потому, что книги, вошедшие в его состав, были написаны Богом, но потому что Дух Божий вдохновлял их авторов, открывал им Истину и скреплял их разрозненные сочинения в единое целое. Но в действии Святого Духа нет никакого насилия над разумом, сердцем и волей человека; напротив, Святой Дух помогал человеку мобилизовать свои собственные внутренние ресурсы на осмысление ключевых истин христианского Откровения. Творческий процесс, результатом которого становилось создание той или иной книги Священного Писания, можно представить как синергию, совместное действие, соработничество человека и Бога: человек описывает некие события или излагает различные аспекты учения, а Бог помогает ему уразуметь и адекватно выразить их. Книги Священного Писания были написаны людьми, находившимися не в состоянии транса, а в трезвой памяти, и на каждой из книг лежит отпечаток творческой индивидуальности автора.

Верность Преданию, жизнь в Духе Святом помогли Церкви распознать внутреннее единство ветхозаветных и новозаветных книг, созданных разными авторами в разное время, и из всего многообразия древних письменных памятников отобрать в канон Священного Писания те книги, которые скреплены этим единством, отделить богодухновенные сочинения от не-богодухновенных.

2. Священное Писание в Православной Церкви

В православной традиции Ветхий Завет, Евангелие и корпус апостольских посланий воспринимаются как три части неделимого целого. При этом Евангелию отдается безусловное предпочтение как источнику, доносящему до христиан живой голос Иисуса, Ветхий Завет воспринимается как прообразующий христианские истины, а послания апостольские — как авторитетное толкование Евангелия, принадлежащее ближайшим ученикам Христа. В соответствии с этим пониманием, священномученик Игнатий Богоносец в послании к Филадельфийцам говорит: «Будем прибегать к Евангелию, как к плоти Иисуса, и к апостолам, как к пресвитерству Церкви. Будем любить также и пророков, ибо и они возвещали то, что относится к Евангелию, на Христа уповали и Его ожидали и спаслись верою в Него».

Учение о Евангелии как «плоти Иисуса», Его воплощении в слове, получило развитие у Оригена. Во всем Писании он видит «кенозис» (истощание) Бога Слова, воплощающегося в несовершенные формы человеческих слов: «Все, признаваемое словом Божиим, есть откровение воплотившегося Слова Божия, Которое было в начале у Бога (Ин. 1:2) и истощило Себя. Поэтому мы за нечто человеческое признаем Слово Божие, ставшее человеком, ибо Слово в Писаниях всегда становится плотью и обитает с нами (Ин. 1:14)».

Этим объясняется то, что в православном богослужении Евангелие является не только книгой для чтения, но и объектом литургического поклонения: закрытое Евангелие лежит на престоле, его целуют, его выносят для поклонения верующим. Во время архиерейской хиротонии раскрытое Евангелие возлагают на голову рукополагаемого, а при совершении таинства Елеосвящения раскрытое Евангелие возлагают на голову больного. В качестве объекта литургического поклонения Евангелие воспринимается как символ Самого Христа.

В Православной Церкви Евангелие читается ежедневно за богослужением. Для литургического чтения оно разделено не на главы, а на «зачала». Четыре Евангелия прочитываются в Церкви целиком в течение года, причем на каждый день церковного года положено определенное евангельское зачало, которое верующие выслушивают стоя. В Великую пятницу, когда Церковь вспоминает страдания и крестную смерть Спасителя, совершается особое богослужение с чтением двенадцати евангельских отрывков о страстях Христовых. Годовой круг евангельских чтений начинается в ночь Святой Пасхи, когда читается пролог Евангелия от Иоанна. После Евангелия от Иоанна, которое прочитывается в пасхальный период, начинаются чтения Евангелий от Матфея, Марка и Луки.

Деяния апостольские, соборные послания и послания апостола Павла также читаются в Церкви ежедневно и также прочитываются целиком в течение всего года. Чтение Деяний начинается в ночь Святой Пасхи и продолжается в течение пасхального периода, далее следуют соборные

послания и послания апостола Павла.

Что же касается книг Ветхого Завета, то они читаются в Церкви выборочно. Основой православного богослужения является Псалтирь, которая прочитывается целиком в течение недели, а в Великом посту — дважды в неделю. В течение Великого поста ежедневно читаются зачала из Книг Бытия и Исход, Книги пророка Исаии, Книги Премудрости Соломона. В праздники и дни памяти особо чтимых святых положено читать три «паремии» — три отрывка из книг Ветхого Завета. В преддверии великих праздников — накануне Рождества, Богоявления и Пасхи — совершаются особые богослужения с чтением большего количества паремий (до пятнадцати), представляющих собой тематическую выборку из всего Ветхого Завета, относящуюся к празднуемому событию.

В христианской традиции Ветхий Завет воспринимается как прообраз новозаветных реальностей и рассматривается через призму Нового Завета. Такой род толкования получил в науке название «типологического». Начало ему положено Самим Христом, Который сказал о Ветхом Завете: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5:39). В соответствии с этим указанием Христа, в Евангелиях многие события из Его жизни истолкованы как исполнение ветхозаветных пророчеств. Типологические толкования Ветхого Завета встречаются в посланиях апостола Павла, в особенности, в Послании к Евреям, где вся ветхозаветная история толкуется в прообразовательном, типологическом смысле. Та же традиция продолжена в богослужебных текстах Православной Церкви, наполненных аллюзиями на события из Ветхого Завета, которые трактуются применительно к Христу и событиям из Его жизни, а также к событиям из жизни новозаветной Церкви.

По учению Григория Богослова, в Священном Писании заложены все догматические истины христианской Церкви: надо только уметь их распознавать. Назианзин предлагает такой метод чтения Писания, который можно назвать «ретроспективным»: он заключается в том, чтобы рассматривать тексты Писания, исходя из последующего Предания Церкви, и идентифицировать в них те догматы, которые более полно сформулированы в позднейшую эпоху. Такой подход к Писанию является основным в патристический период. В частности, по мнению Григория, не только новозаветные, но и ветхозаветные тексты содержат учение о Святой Троице.

Таким образом, Библию следует читать в свете догматического предания Церкви. В IV веке и православные, и ариане прибегали к текстам Писания для подтверждения своих богословских установок. В зависимости от этих установок, к одним и тем же текстам прилагали разные критерии и толковали их по-разному. Для Григория Богослова, как и для других Отцов Церкви, в частности, Иринея Лионского, существует один критерий правильного подхода к Писанию: верность Преданию Церкви. Только то толкование библейских текстов легитимно, считает Григорий,

которое основывается на церковном Предании: всякое другое толкование ложно, так как «окрадывает» Божество. Вне контекста Предания библейские тексты утрачивают свою догматическую значимость. И наоборот, внутри Предания даже те тексты, которые не выражают прямо догматические истины, получают новое осмысление. Христиане видят в текстах Писания то, чего не видят нехристиане; православным открывается то, что остается сокрытым от еретиков. Тайна Троицы для находящихся вне Церкви остается под покрывалом, которое снимается только Христом и только для тех, кто пребывает внутри Церкви.

Если Ветхий Завет является прообразом Нового Завета, то Новый Завет, по мнению некоторых толкователей, является тенью грядущего Царства Божия: «Закон есть тень Евангелия, а Евангелие есть образ будущих благ», — говорит Максим Исповедник. Эту идею преподобный Максим заимствовал у Оригена, так же как и аллегорический метод толкования Писания, которым он широко пользовался. Аллегорический метод давал возможность Оригену и другим представителям александрийской школы рассматривать сюжеты из Ветхого и Нового Заветов как прообразы духовного опыта отдельной человеческой личности. Одним из классических примеров мистической интерпретации подобного рода является толкование Оригена на Песнь Песней, где читатель выходит далеко за пределы буквального смысла и переносится в иную реальность, причем сам текст воспринимается лишь как образ, символ этой реальности.

После Оригена такой тип толкования получил широкое распространение в православной традиции: мы находим его, в частности, у Григория Нисского, Макария Египетского и Максима Исповедника. Максим Исповедник говорил о толковании Священного Писания как восхождении от буквы к духу. Анагогический метод толкования Писания (от греч. anagogê, восхождение), как и аллегорический метод, исходит из того, что тайна библейского текста неисчерпаема: только внешняя канва Писания ограничена рамками повествования, а «созерцание» (theôria), или таинственный внутренний смысл, является беспредельным. Все в Писании связано с внутренней духовной жизнью человека, и буква Писания возводит к этому духовному смыслу.

Типологическое, аллегорическое и анагогическое толкование Писания наполняет собой и богослужебные тексты Православной Церкви. Так, например, Великий канон преподобного Андрея Критского, читаемый в Великом посту, содержит целую галерею библейских персонажей из Ветхого и Нового Заветов; в каждом случае пример библейского героя сопровождается комментарием со ссылкой на духовный опыт молящегося или призывом к покаянию. В такой интерпретации библейский персонаж становится прообразом всякого верующего.

Если говорить о православной монашеской традиции толкования Священного Писания, то прежде всего надо отметить, что у монахов было особое отношение к Священному Писанию как источнику религиозного вдохновения: они не только читали и толковали его, но еще и заучивали его наизусть.

Монахи, как правило, не интересовались «научной» экзегетикой Писания: они рассматривали Писание как руководство к практической деятельности и стремились понимать его посредством исполнения написанного в нем. В своих сочинениях Святые Отцы-аскеты настаивают на том, что все, сказанное в Писании, необходимо применять к собственной жизни: тогда станет понятным и скрытый смысл Писания.

В аскетической традиции Восточной Церкви присутствует мысль о том, что чтение Священного Писания — лишь вспомогательное средство на пути духовной жизни подвижника. Характерно высказывание преподобного Исаака Сирина: «Пока человек не примет Утешителя, ему необходимы Божественные Писания… Но когда сила Духа снизойдет в действующую в человеке душевную силу, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа…». По мысли преподобного Симеона Нового Богослова, необходимость в Писании отпадает, когда человек встречается с Богом лицом к лицу.

В приведенных суждениях Отцов восточной Церкви отнюдь не отрицается необходимость чтения Священного Писания и не умаляется значение Писания. Скорее, здесь выражено традиционное восточно-христианское представление о том, что опыт причастия Христу в Святом Духе выше любого словесного выражения этого опыта, будь то Священное Писание или какой-либо другой авторитетный письменный источник. Христианство — это религия встречи с Богом, а не книжного знания о Боге, и христиане — отнюдь не «люди Книги», как они называются в Коране. Священномученик Иларион (Троицкий) считает неслучайным, что Иисус Христос не написал ни одной книги: суть христианства — не в нравственных заповедях, не в богословском учении, а в спасении человека благодатью Духа Святого в основанной Христом Церкви.

Настаивая на приоритете церковного опыта, Православие отвергает те толкования Священного Писания, которые не основаны на опыте Церкви, противоречат этому опыту или являются плодом деятельности автономного человеческого разума. В этом коренное различие между Православием и протестантизмом. Провозгласив принцип «sola Scriptura» и отвергнув Предание Церкви, протестанты открыли широкий простор для произвольных толкований Священного Писания. Православие же утверждает, что вне Церкви, вне Предания правильное понимание Писания невозможно.

3. Состав и авторитет Предания. Святоотеческое наследие

Помимо Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, в состав Предания Православной Церкви входят другие письменные источники, в том числе богослужебные тексты, чинопоследования таинств, постановления Вселенских и Поместных Соборов, творения Отцов и учителей древней Церкви. Каков авторитет этих текстов для православного христианина?

Безусловным и непререкаемым авторитетом пользуются вероучительные определения Вселенских Соборов, прошедшие церковную рецепцию. Прежде всего, речь идет о Никео-Цареградском Символе веры, который представляет собой суммарное изложение православного вероучения, принятое на I Вселенском Соборе (325 г.) и дополненное на II Соборе (381 г.). Речь идет также о других догматических определениях Соборов, вошедших в канонические сборники Православной Церкви. Эти определения не подлежат изменению и являются общеобязательными для всех членов Церкви. Что же касается дисциплинарных правил Православной Церкви, их применение определяется реальной жизнью Церкви на каждом историческом этапе ее развития. Некоторые правила, установленные Отцами древности, сохраняются в Православной Церкви, тогда как другие вышли из употребления. Новая кодификация канонического права является одной из неотложных задач Православной Церкви.

Безусловным авторитетом пользуется литургическое Предание Церкви. По своей догматической безупречности богослужебные тексты Православной Церкви следуют за Священным Писанием и вероопределениями Соборов. Эти тексты являются не просто творениями выдающихся богословов и поэтов, но частью литургического опыта многих поколений христиан. Авторитет богослужебных текстов в Православной Церкви зиждется на рецепции, которой эти тексты подвергались в течение многих веков, когда они читались и пелись повсеместно в православных храмах. За эти века все ошибочное и чуждое, что могло бы вкрасться в них по недоразумению или недосмотру, было отсеяно самим церковным Преданием; осталось лишь чистое и безупречное богословие, облеченное в поэтические формы церковных гимнов. Потому Церковь и признала богослужебные тексты в качестве «правила веры», в качестве непогрешимого вероучительного источника.

Следующее по значению место в иерархии авторитетов занимают творения Отцов Церкви. Из святоотеческого наследия приоритетное значение для православного христианина имеют произведения Отцов Древней Церкви, в особенности же восточных Отцов, оказавших решающее влияние на формирование православной догматики. Мнения западных Отцов, согласующиеся с учением Восточной Церкви, органически вплетаются в православное Предание, вмещающее в себя как восточное, так и западное богословское наследие. Те же мнения западных авторов, которые находятся в явном противоречии с учением Восточной Церкви, не являются авторитетными для православного христианина.

В творениях Отцов Церкви необходимо различать временное и вечное: с одной стороны, то, что сохраняет ценность на века и имеет непреложное значение для современного христианина, а с другой, то, что является достоянием истории, что родилось и умерло внутри того контекста, в котором жил данный церковный автор. Например, многие естественнонаучные взгляды, содержащиеся в «Беседах на Шестоднев» Василия Великого и в «Точном изложении

православной веры» Иоанна Дамаскина, являются устаревшими, тогда как богословское осмысление тварного космоса этими авторами сохраняет свою значимость и в наше время. Другой подобный пример — антропологические взгляды византийских Отцов, веривших, как и все в византийскую эпоху, что тело человека состоит из четырех стихий, что душа разделена на три части (разумную, желательную и раздражительную). Эти взгляды, заимствованные из античной антропологии, сейчас уже устарели, но многое из того, что говорили упомянутые Отцы о человеке, о его душе и теле, о страстях, о способностях ума и души не потеряло свое значение и в наши дни.

В святоотеческих писаниях, кроме того, следует отличать то, что говорилось их авторами от лица Церкви и что выражает общецерковное учение, от частных богословских мнений (теологуменов). Частные мнения не должны отсекаться для создания некоей упрощенной «суммы богословия», для выведения некоего «общего знаменателя» православного догматического учения. В то же время частное мнение, даже если его авторитет основывается на имени человека, признанного Церковью в качестве Отца и учителя, поскольку оно не освящено соборной рецепцией церковного разума, не может быть поставлено на один уровень с мнениями, такую рецепцию прошедшими. Частное мнение, коль скоро оно было выражено Отцом Церкви и не осуждено соборно, входит в границы допустимого и возможного, но не может считаться общеобязательным для православных верующих.

На следующем месте после святоотеческих писаний стоят сочинения так называемых учителей Церкви — богословов древности, оказавших влияние на формирование церковного учения, однако по тем или иным причинам не возведенным Церковью в ранг Отцов (к числу таковых относятся, например, Климент Александрийский и Тертуллиан). Их мнения авторитетны постольку, поскольку они согласуются с общецерковным учением.

Из апокрифической литературы авторитетными могут считаться только те памятники, которые рецептированы в богослужении или в агиографической литературе. Те же апокрифы, которые были отвергнуты церковным сознанием, никакого авторитета для православного верующего не имеют.

Отдельного упоминания заслуживают сочинения на догматические темы, появившиеся в XVI—XIX веках и иногда называемые «символическими книгами» Православной Церкви, написанными либо против католичества, либо против протестантизма. К числу таких документов относятся, в частности: ответы патриарха Константинопольского Иеремии II лютеранским богословам (1573—1581); Исповедание веры митрополита Макария Критопула (1625); Православное исповедание митрополита Петра Могилы (1642); Исповедание веры патриарха Иерусалимского Досифея (1672), известное в России под именем «Послания восточных патриархов»; ряд антикатолических и антипротестантских посланий восточных Патриархов XVIII — первой

половины XIX века; Послание восточных патриархов папе Пию IX (1848); Ответ Константинопольского Синода папе Льву IX (1895). По мнению архиепископа Василия (Кривошеина), данные сочинения, составленные в период сильного инославного влияния на православное богословие, имеют второстепенный авторитет.

Наконец, необходимо сказать об авторитетности произведений современных православных богословов по вероучительным вопросам. К этим произведениям может быть применен тот же критерий, что и к сочинениям древних учителей Церкви: они авторитетны в той мере, в какой соответствуют церковному Преданию и отражают святоотеческий образ мыслей. Православные авторы XX века внесли существенный вклад в дело истолкования различных аспектов православного Предания, развития православного богословия и освобождения его от чуждых влияний, разъяснения основ православной веры перед лицом инославных христиан. Многие труды современных православных богословов стали неотъемлемой частью православного Предания, пополнив собой ту сокровищницу, в которую, по словам Иринея Лионского, апостолы положили «все, что относится к истине», и которая на протяжении веков обогащалась все новыми и новыми произведениями на богословские темы.

Таким образом, православное Предание не ограничивается какой-либо одной эпохой, которая осталась в прошлом, но устремлено вперед к вечности и открыто любым вызовам времени. По мнению протоиерея Георгия Флоровского, «Церковь сейчас обладает не меньшим авторитетом, чем в прошедшие столетия, ибо Дух Святой живит ее не меньше, чем в былые времена»; потому нельзя ограничивать «век Отцов» каким-либо временем в прошлом. А известный современный богослов епископ Диоклийский Каллист (Уэр) говорит: «Православный христианин должен не просто знать и цитировать Отцов, но глубоко проникнуться святоотеческим духом и усвоить себе святоотеческий “образ мыслей”… Утверждать, будто Святых Отцов более быть не может, – значит утверждать, что Святой Дух покинул Церковь».

Итак, «золотой век», начатый Христом, апостолами и древними Отцами, будет продолжаться до тех пор, пока стоит на земле Церковь Христова и пока действует в ней Святой Дух.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/50791/